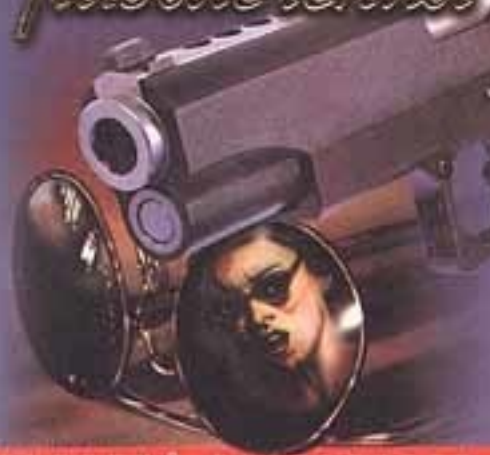

Марина
СЕРОВА

КУРОРТНЫЕ
развлечения

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Загнанная в угол

«Научная книга»

Серова М. С.

Загнанная в угол / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Загнанная в угол

Глава 1

Знакомство

Я лежала на диване, рассматривала давно не беленный потолок и думала о том, что приобретение новенькой «девятки» не только исчерпало мои денежные ресурсы, но и загнало в долги. Клиентов давно не было. Создавалось впечатление, что все население нашего distinguished города Тарасова стало жить спокойно и счастливо, позабыв о всяческих криминалах и преисполнившись почтения к Уголовному кодексу. С одной стороны, это было неплохо, я отдохнула на полную катушку. Причем расслабилась так, что прибавила в весе три килограмма и уже не представляла себе, как смогла бы взяться за какое-нибудь очередное дело. В общем, моя деятельность частного детектива была сведена к нулю. «А не пора ли переквалифицироваться в управдомы?» – припомнила я известную фразу товарища Бендера и вздрогнула от неожиданного звонка.

Стараясь не скрипеть диваном, я осторожно встала, босиком приблизилась к двери и заглянула в «глазок». Принимать сейчас кого-то знакомого в качестве гостя мне страсть как не хотелось. Настроение не то. К счастью, искажающее стеклышко оптического прибора представило моему взору совершенно незнакомую женщину. Я поняла, что передо мной наконец-то очередной клиент, точнее, клиентка. С первого же взгляда она показалась мне довольно привлекательной.

Звонок повторился, и я поспешила открыть дверь.

Пару секунд мы изучали друг друга. Женщина действительно была красива, но немолода. Возраст за сорок выдавало множество мелких морщинок возле темно-зеленых глаз и редкая проседь в давно не крашенных волосах, по цвету напоминающих серую осеннюю дымку. Они были гладко зачесаны назад и на затылке уложены в замысловатую прическу. Одетая женщина была, прямо скажем, не по-летнему: деловой черный костюм, белая кружевная блузка, телесного цвета колготки, а может, и чулки (это при жаре 30 градусов), и венцом всему – черные же туфли на высоченной шпильке. В руках дама держала лакированный ридикюль. Я была польщена, что, собираясь ко мне, она разоделась так, словно шла на прием как минимум к министру, и тут же поймала себя на мысли, что стою перед ней босиком, в коротенькой мятой футболке, едва прикрывающей трусики, и с «вороньим гнездом» на голове, поскольку причесывалась последний раз вчера вечером, то есть сутки назад.

– Вы Иванова? Татьяна? – спросила женщина приятным, мягким, слегка дрожащим голосом и затеребила тонкими пальцами ридикюль.

– Да, – лаконично ответила я и отступила назад, жестом приглашая ее войти.

Женщина переступила порог, покачнувшись при этом на своих шпильках, и замерла на месте.

– Ну, проходите. Вот сюда, – указала я ей в направлении комнаты, отмечая про себя, что моя гостья заметно смущена и нервы ее явно на взводе.

Она прошла в комнату и села на край кресла, положив ридикюль на колени и накрыв его руками. При этом она снова слегка покачнулась.

Убедившись, что долгожданный клиент укреплёлся на месте и падать в обморок не собирается, я поторопилась в ванную, где лежали мои трикотажные шорты. Мельком я успела

посмотреть на свое отражение в зеркале и, решив, что лучше бы я этого не делала, вернулась в комнату.

Женщина, скользнув взглядом по моим горошковым штанишкам, отвернулась и стала смотреть в окно. Я села на диван, злясь на себя за то, что по сравнению с ней выгляжу натуральным пугалом, и задала свой обычный вопрос:

– Вам кто-то порекомендовал меня или...

– Да, Катя Лунина! – оживилась женщина, подавшись вперед, и я испугалась, что она сейчас упадет с кресла. – Катя – моя дальняя родственница.

– Ах, ну да, я ее знаю! – ответила я, живо припомнив все свои злоключения, связанные с делом Кати, а точнее, с делом ее мужа, необоснованно обвиненного в убийстве. Эх, и пришлось мне тогда попрыгать! Чудом жива осталась. Невольно я снова стала разглядывать давно не беленный потолок и представила себе, что, если эта женщина от Луниных, значит, мне опять предстоит...

– Меня зовут Елизавета Андреевна Тимофеевская, – прервала мои мысли родственница Луниных.

– Слушаю вас, – кивнула я, озадаченная тем, что где-то уже слышала эту фамилию.

– Дело в том, что... – Елизавета Андреевна замялась, как-то неестественно выгнула шею и забарабанила ногтями по своей лакированной сумочке.

– Так в чем же дело? Да вы не волнуйтесь. Может, чаю хотите? – предложила я, стараясь прийти ей на помощь.

– Нет-нет, спасибо, – снова оживилась она и опять подалась вперед. Я вообще не понимала, на чем она теперь держится. – Дело в том, что у меня к вам очень деликатная просьба.

– А ко мне чаще всего обращаются именно с такими просьбами. Так что вы расслабьтесь и расскажите все по порядку, – в очередной раз попыталась я привести ее в чувство, что мне уже порядком стало надоедать.

– Я оплачу! – вдруг неожиданно громко воскликнула Елизавета Андреевна. – Я очень хорошо оплачу вашу работу, Танечка, если вы согласитесь ее выполнить.

Слово «оплачу» как-то совсем не вязалось с внешностью этой женщины. Но зато очень вязалось с моими финансовыми затруднениями.

– Сначала изложите мне суть дела, – ответила я, заранее зная, что скорее всего соглашусь, – а там посмотрим.

– Да, разумеется, – выдохнула Елизавета Андреевна, давая мне понять, что теперь она окончательно готова поделиться со мной своими проблемами. – Я хочу попросить вас проследить за моим мужем, Танечка. Проследить, так сказать, за его амурными делами.

Я снова уставилась в потолок. Честно говоря, я никак не ожидала такого поворота событий. Из подобных дел я уже давно «выросла», и теперь они вызывали у меня неподдельную тошноту. Когда наблюдаешь за чьей-то (как бы это помягче выразиться?)... за чьими-то сексуальными действиями, невольно создается впечатление, что являешься непосредственным участником этого акта. И хуже всего, что потом увиденным и прочувствованным приходится делиться с другим человеком, с клиентом или клиенткой. Да, становиться кинооператором порнографического фильма мне решительно не хотелось, но что делать, если других заказов пока нет. И к месту будет здесь сказано, что любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Заметив мое замешательство, госпожа Тимофеевская поспешила назвать мне сумму гонорара.

– Тысяча долларов вас устроит? – спросила она. – Половину я могу дать вам уже сейчас, если нужно.

Вот именно! А что мне еще оставалось делать, как не согласиться?

– Думаю, что устроит, – ответила я, словно за такую работу привыкла брать как раз эту сумму.

На самом деле она превышала реальную минимум в два раза. Но, несмотря на это, я решила все-таки немного повыпендриваться и добавила:

– Хотя знаете, Елизавета Андреевна, честно сказать, мне это занятие не совсем по душе.

– Я понимаю, Танечка, – вздохнула она. – Мне и самой это не совсем по душе, но...

Я не стала больше испытывать терпение госпожи Тимофеевской и, прервав ее, сказала:

– Ну, хорошо. Давайте перейдем к делу. Излагайте.

Она еще раз глубоко вздохнула, уселась наконец поглубже в кресло и начала свое повествование:

– С Вениамином Михайловичем мы поженились недавно. Полтора года назад. И так уж получилось, что до этого у меня никогда не было мужа... да и вообще... – Она замолчала и опустила глаза. Наверное, признание в том, что она до встречи с ним была старой девой, по ее мнению, должно было как следует осмыслиться мной.

– Ну и?.. – поторопила я ее, давая понять, что этот щепетильный момент мною усвоен.

– Ну а дальше все закономерно и весьма банально, – продолжила Елизавета Андреевна, взглянув на меня с некоторой благодарностью за то, что я не удивилась или, по крайней мере, сделала вид, будто не удивлена столь постыдному факту из ее биографии. – Вениамин Михайлович очень скоро стал мне изменять. Сначала он пытался это скрывать, говорил, что допоздна задержится на работе. Потом и вовсе не приходил ночевать. Да вы и сами знаете, как это бывает.

Я утвердительно кивнула.

– Так вот, – тоже кивнула она. – А недавно мой муж совсем ушел из дома. Не знаю, как расценивать его поступок, но о разводе он речи со мной не вел. Мы вообще с ним давно не разговаривали по душам. Наверное, в этом есть и моя вина. Но что поделаешь? Нет у меня опыта в семейной жизни, так уж сложилась судьба. Потом я несколько раз видела его с совсем юной девицей. Рыжеволосая, стройная, энергия так и плещет из нее, современная, в общем, девушка. Ну, сами понимаете. Вот я и хотела вас попросить предоставить мне некоторую информацию... Ну... Ту самую информацию, благодаря которой я могла бы определить, чего же моему мужу не хватает во мне. Определить женским, если так можно выразиться, глазом.

В этот момент мне хотелось посоветовать Елизавете Андреевне просто посмотреть пару-тройку эротических фильмов и «женским глазом» сравнить себя и героиню на экране, но тогда я наверняка лишилась бы гонорара. Поэтому я лишь снова кивнула и задала ей вопрос:

– До этого момента в чьей квартире жил ваш супруг и куда ушел жить потом?

– Жил в своей квартире. Точнее, мы вместе жили в его квартире. А ушел он опять же в свою квартиру. У него их две. Сама-то я не местная. Раньше жила в Астахове, – немного сбивчиво начала объяснять она. – Я с ним и познакомилась в своем родном городе. Он к нам в командировку приезжал.

– А кем он работает? – спросила, удивляясь тому, что не сделала этого с самого начала.

– Вениамин Михайлович – заместитель главы администрации Пушкинского района по торговле, – с чувством, как мне показалось, некоторого страха ответила Елизавета Андреевна и снова застучала пальцами по лакированной сумочке. – Вот потому-то я и настаивала бы на полной секретности нашего с вами дела, Танечка.

«О-о!» – подумала я про себя. Так вот, значит, почему мне показалась знакомой эта фамилия. И теперь ясно, откуда у него две квартиры в личном пользовании. Теперь картина семейной жизни Тимофеевских ясно нарисовалась в моем воображении. Большой начальник женился на старой деве, зная, что, используя ее комплексы, относящиеся к сексуальной жизни, безнаказанно сможет гулять «налево». Он понимал, что, находясь на такой должности, обязан вести высокоморальный образ жизни, в качестве примера для всех окружающих. Именно такой образ жизни ему гарантировала Елизавета Андреевна, которая не станет требовать развода, а лишь поплачет над своей горькой судьбой. Кстати, а кем работает она сама?

– А где работаете вы? – спросила я, незаслуженно проигнорировав высокий пост самого Тимофеевского.

– Нигде, – грустно пожала плечами Елизавета Андреевна. – Раньше работала на мукомольном заводе. Бухгалтером. Это там, в Астахове, а как вышла замуж и переехала сюда, стала домохозяйкой. Вы, наверное, все-таки хотите узнать, почему вот такая, вроде внешне и не уродливая, женщина до сорока с лишним лет не побывала замужем и не имела любовников? – поинтересовалась она, решив, наверное, что я только об этом сейчас и думаю.

– Нет, не хочу. Это ваша личная жизнь, которая к делу, как мне кажется, не относится, – успокоила я ее, думая, разумеется, совсем иначе. Просто Елизавета Андреевна вызывала во мне неподдельную жалость. Сидела бы себе на своей «мельнице» да радовалась бы свободной жизни, как я. Я, конечно, не старая, да к тому же и не дева, но свободой своей дорожу. Госпожа Тимофеевская выбрала иной путь. Захотелось ей хлебнуть радостей семейной жизни. Вот и хлебнула. Уж Вениамин-то Михайлович наверняка раза два до нее был женат. – А ваш муж прежде состоял в браке?

– Да. Трижды. Только жизнь ни с одной из прежних жен у него не сложилась. От первого брака осталась дочь. Но я ее ни разу не видела. Он говорил, что ее мать запрещала ей с ним встречаться. Сейчас-то дочка совсем взрослая стала. Года двадцать четыре, наверное. Вениамину Михайловичу ведь уже за пятьдесят. Но они так и не виделись больше ни разу. И живет она в другом городе. Вышла замуж и уехала. О ее свадьбе он узнал от знакомых. Хотел поздравить, но бывшая жена категорически отказала ему во встрече с дочерью. Сказала, что у девушки есть отец, да только не он. Вениамин Михайлович мне сам об этом рассказывал. Плакал даже. Жалко мне его было. Решила, что смогу помочь ему, что буду лучше тех предыдущих. Это я сейчас, Танечка, стала хоть немного разбираться во всем, а тогда... – махнула рукой Елизавета Андреевна, и глаза ее наполнились слезами.

– А может, вам послать его к черту да развестись? Живите себе спокойно, как раньше, – искренне посоветовала я ей, плюнув на риск лишиться тысячи долларов.

Тут Елизавета Андреевна как-то сильно засмузилась, в глазах ее опять вспыхнули искорки страха, и она отрицательно замотала головой, причем так сильно, что маленькая прядка волос выбилась из безукоризненной прически и безжизненно повисла вдоль шеи.

– Легко говорить «живи спокойно». Да разве это жизнь? Нет, Танечка, одиночество не назовешь жизнью. Я ведь и ребеночка хотела родить, а если в таком возрасте это будет невозможно, то хотя бы усыновить кого. Взять из детского дома. Вот потому-то я и хочу сохранить семью. Потому-то и прошу вас об унижительном для меня. В народе говорят: «Седина в бороду, бес в ребро». Вениамин Михайлович как раз в таком возрасте, что... Ну, в общем, не верю я, чтобы у него с этой девицей все было так серьезно. Поэтому буду настаивать на своей просьбе. До конца пойду, и ничто меня не остановит! – горячо воскликнула Елизавета Андреевна.

– Ну, хорошо, дело ваше, – пожала я плечами. – Тогда давайте переходить к деталям. Первое, что меня интересует, – это внешность вашего мужа. Я, конечно, видела его по телевизору, но, честно говоря, не особо запомнила. У вас есть его фотография?

– Да-да, разумеется, – поспешно открыла свой ридикюль Елизавета Андреевна и протянула мне карточку.

Это был лысоватый и полноватый человечек со свинячьими глазками. Наверняка коротышка. Можно сказать, что он уже родился большим начальником и потому всю жизнь стремился выглядеть именно так, а не иначе. Он был запечатлен сидящим за столом. Видимо, на своем рабочем месте.

– А какой у него рост? – спросила я, чтобы подтвердить свою догадку.

– Примерно сто шестьдесят, – последовал ожидаемый мною ответ.

– Так, теперь назовите адрес его второй квартиры.

– Улица Рахова, дом сороковой, квартира двенадцатая. Это на втором этаже. Окна выходят во двор. У меня есть ключи от этой квартиры, ключи по случаю имеются, если нужно, я дам вам их, – вдруг неожиданно по-деловому заговорила госпожа Тимофеевская, и я подумала, что она не такая уж и дура.

– Да, было бы неплохо. Ключи в таком деле не помешают, – обрадовалась я тому, что клиента, сама того не зная, разом упростила мою задачу. Ведь чтобы заснять на пленку интимную жизнь граждан в их собственных квартирах, приходится выкидывать такие номера, что порой рискуешь оказаться под следствием. Сама-то я с подобным не сталкивалась. Другое дело, когда это происходило где-нибудь на природе или в машине, пусть даже на даче или турбазе, но в квартире... Да еще объект наблюдения – высокопоставленный чиновник! – Они у вас с собой?

– Да, – кивнула Елизавета Андреевна, вновь порылась в сумочке и выдала мне связку ключей. – Вот этот – желтый – от общей двери, а эти два от квартиры. Длинный – от нижнего замка, а короткий – от верхнего.

В этот момент я подумала, что заказанная мне работа может стоить не более двухсот баксов. Надо же, как мне везет сегодня! Дело, конечно, грязное, противное, это бесспорно, но не такое уж сложное, черт возьми!

– А где вы видели Вениамина Михайловича с той юной особой? – спросила я, чтобы еще больше облегчить свою задачу. – Он приводил ее когда-нибудь в ту квартиру?

– Именно туда и приводит. Поэтому я и даю вам ключи от нее. Стыдно, конечно, признаться, но я и сама пыталась следить за ним. Работу он заканчивает около восьми вечера... Вот я его с этого времени и поджидала там постоянно. Ох, до чего же все это омерзительно! Если бы вы знали, Танечка, как я себя ненавижу за это, но и сделать ничего не могу! Никогда не думала, что на старости лет окажусь в таком положении. С тех пор, как муж ушел из дома, это примерно месяц назад, все мои кошмары и начались. Вы уж не осуждайте меня строго.

– Да вовсе я вас не осуждаю. Каждый волен поступать так, как ему нравится, – отмахнулась я, в душе все-таки придерживаясь другого мнения. – Вы мне лучше скажите, если уж сами следили за ним, как часто он с ней видится и в какие дни его реальнее застать с нею?

– Видится, по моим подсчетам, раза два в неделю. А вот дни... Это когда как. Но всегда вечером, после работы. В выходные ни разу этого не было.

– Так вы что же, столько раз караулили возле того дома? – не выдержала я.

– Именно, – грустно отозвалась Елизавета Андреевна и склонила голову. – Вчера опять видела его с нею. Он ее на своей машине подвез, как всегда к подъезду, а через час вывел, увез куда-то, а сам потом вернулся и уже больше никуда не выходил. Свет погасил. Спать, значит, лег. А я себе и смекаю, раз она у него ночевать никогда не остается, значит, она либо замужем, либо ничего серьезного он к ней не испытывает. Вот поэтому мне и интересно посмотреть на все своими глазами. А может, у них и вообще ничего нет?

Я подумала, что при ее-то терпении ей самой можно было бы открывать детективное агентство, а вслух сказала:

– Ну ладно, теперь за дело возьмусь я. Не обещаю, что у меня на это уйдет месяц, думаю, дня через три вы получите то, что вам нужно. Правда, это зависит не от меня, а, как вы понимаете, от необузданных желаний Вениамина Михайловича.

– Да, конечно. Я понимаю. Только, Танечка! Я вас еще раз хочу попросить, чтобы это никуда ни под каким видом не просочилось.

– Это уже лишнее, Елизавета Андреевна, – решительно взмахнула я рукой. – Оставьте мне ваш телефон, идите спокойно домой и ждите моего звонка.

Елизавета Андреевна встала с кресла, снова нырнула в свой лакированный ридикюль, извлекла из него пять сотенных бумажек с портретом Франклина и протянула их мне:

– Это предоплата, так сказать, аванс. Берите. Я в вас верю.

Я с удовольствием приняла деньги и проводила ее до двери.

– Желаю вам удачи, Танечка, – улыбнулась Елизавета Андреевна, перешагивая порог и одновременно с этим заправляя выбившуюся прядь волос обратно в прическу. Теперь она уже увереннее держалась на ногах.

Я уже собралась захлопнуть дверь, но вовремя спохватилась:

– Елизавета Андреевна! А номер вашего телефона?

– Да ладно, – отмахнулась она, спускаясь вниз по лестнице и мелодично цокая каблучками, – я вам сама позвоню.

Я вернулась в комнату, села в кресло, которое еще хранило тепло Елизаветы Андреевны, и подумала о том, что чувствую себя несколько дискомфортно. Было в этой женщине что-то загадочное. В ней чувствовалась сила. Я поняла это только сейчас, когда она ушла. И телефон свой почему-то не захотела мне оставить. А главное, так хитро все повернула: сунула мне доллары – и в дверь! Да, согласна, при виде «зелененьких» я немного отошла от темы, но ведь почти сразу вспомнила о телефоне. Но этого «немного» ей как раз и хватило для того, чтобы обратиться восвояси и так мило махнуть ручкой: «Да ладно!» Нет, что-то тут не так. Не обойтись мне, пожалуй, без гадания.

А гадаю я на трех двенадцатигранных костях по методу Федосеева «Числа и судьбы». Довольно занимательная вещица и, что самое главное, чаще всего расшифровка выпавших цифр так или иначе помогает мне выйти на верный путь в моей нелегкой работе. Самое важное в этой, на первый взгляд казалось бы, детской забаве – четко сформулировать вопрос, а потом, проявив максимум воображения, найти для себя верный ответ.

«Так какой же вопрос задать сейчас? – подумала я, доставая кости из замшевого мешочка. Да, пожалуй, самый главный: кто такая Елизавета Андреевна Тимофеевская?»

Я бросила кости на полировку журнального стола, и передо мной предстали числа: 13+30+3. Забавная комбинация. «Что же она обозначает?» – напрягла я свою память. Книжкой я уже давно не пользовалась, так как знала все комбинации цифр наизусть. Ага, вспомнила:

«Никогда ни к чему не предъявляйте претензий, ни к прошлому, ни к людям, ни к богу, ни к судьбе». Надо же! Прямо и воображение подключать не нужно. Все предельно ясно: я не должна осуждать Тимофеевскую, которая позабыла женскую гордость, а просто должна выполнить ее поручение. Вот и все.

Вздыхнув с облегчением, я отправилась на кухню вскипятить чайник. Сначала, когда синее пламя газа лизнуло его белые эмалированные бока, он слегка засопел, потом затих, но через минуту снова засопел, еще через пару минут начал ворчать и под конец разразился яростным свистом, словно Соловей-разбойник. Все это время я слушала его разнообразные звуки и пыталась уговорить себя, что дело-то мне заказано плевое, денег получаю кучу и нечего даже сомневаться.

А сомнения все-таки были. Самое главное, что я чувствовала во всем какой-то подвох. Больше всего на свете не люблю, когда из меня делают дуру. А Тимофеевская, по-моему, именно к этому и стремилась.

Я выключила «соловья-разбойника» и заварила себе крепкий чай. Несколько глотков горячего тонизирующего напитка взбодрили меня, и я подумала теперь фразой героини из не помню какой пьесы: «Ну и что, что дура, зато богатая!» На этом и остановилась.

Перед тем, как мирно отойти ко сну, я решила проверить работоспособность своей видеокамеры, потому что уже давно не пользовалась ею. А камера у меня просто замечательная. Все манипуляции, которые она выполняла, а именно: обыкновенная съемка, съемка в затемненном помещении, приближение и удаление кадра, стоп-кадр, сужение и расширение формата и куча еще каких-то там прибабасов, которые в моей работе были абсолютно не нужны, можно было производить с помощью пульта.

Смахнув пыль с чехла, в котором хранилась моя кормилица, я вытащила ее на свет божий и принялась репетировать.

Небольшой фильм из жизни частного детектива Татьяны Ивановой вышел весьма удачным, если не принимать во внимание мой домашний вид, который чуточку подпортил всю картину. Но главное – камера прекрасно справилась с заданием, и я надеялась, что не далее чем завтра преспокойненько установлю ее в каком-нибудь потайном уголке «холостяцкой» квартиры Тимофеевского и в ближайшем будущем что сделаю? Правильно! Расплачусь наконец с долгами за машину и, кроме того, куплю себе новые осенние сапоги. А осень, между прочим, не за горами. К тому же мои старые давно вышли из моды.

Глава 2

Неожиданный поворот

Будильник разбудил меня именно во столько, на сколько я его ставила, – в девять часов утра. Выспалась я замечательно, настроение было отличное, и вид мой, после того, как я помыла голову и уложила волосы феном, вызывал у меня полное удовлетворение. Наскоро позавтракав, я оделась как можно скромнее, чтобы меньше привлекать к себе внимание, и отправилась по адресу Рахова, 40, квартира 12.

Впервые за несколько месяцев я наконец ощутила, что новенькая «девятка» – моя. Теперь я ничего не буду за нее должна. Улыбаясь солнцу и ловко маневрируя среди потока чужих машин, я быстро добралась до нужного дома, заехала во двор, аккуратно припарковалась возле трансформаторной будки, на которой, как в старые добрые времена, красовалось изображение оскаленного черепа, и выключила зажигание.

Беглым взглядом я быстро оценила здешний климат. Двор проходной, народу ходит много, деревьев вполне достаточно, что очень кстати. А как там насчет озеленения возле окон господина Тимофеевского? Кажется, его окна должны быть здесь?

Я подошла к первому подъезду и посмотрела вверх. Ага, вот в этом ряду его квартира. Перед лоджией Тимофеевского, если я правильно рассчитала, рос большой тополь. Дерево достаточно крепкое и меня вполне выдержит. Это хорошо. Так, смотрим дальше. Возле подъезда никаких машин не наблюдается, значит, скорее всего Вениамина Михайловича нет дома. Хотя можно предположить, что он пользуется услугами шофера. Я глянула на наручные часы. Половина одиннадцатого. Ответственный государственный служащий в такое время не вправе быть дома. «Ладно, риск – благородное дело», – подумала я и решительно направилась в подъезд, ощущая в правой руке тяжесть видеокамеры.

Остановившись перед железной дверью, охранявшей подходы сразу к трем квартирам, я нажала на звонок, под которым значился номер 12. Выждав некоторое время, позвонила вторично. «Ну, не хотите открывать, открою сама», – сказала я себе и вставила в замочную скважину «желтый», как выразилась Елизавета Андреевна, ключ и повернула его дважды. Немного скрипнув, дверь отворилась, и я вошла в общий коридор. Справа от меня была квартира Тимофеевского. Я приложила к ней ухо и прислушалась. Там царила гробовая тишина.

«А вдруг он все-таки дома? – мелькнула у меня мысль. – Сейчас вот войду и... А что поделаешь? Работа у меня такая, что без риска не прокормишься. Все это ерунда по сравнению с тем, что мне порой приходилось переживать», – успокоила я себя и, немного повозившись с двумя замками, проникла в чужие владения. Хорошо, что никто из соседей в это время не высунулся.

В двухкомнатной квартире Вениамина Михайловича Тимофеевского царила роскошь. Кругом ковры, хрусталь, мебель, словно из музея, ремонт, можно сказать, ювелирной работы, но самое главное – нет хозяина, что меня вполне устраивало.

Первым делом я сориентировалась в обстановке. Мне ужасно повезло, когда я, выглянув в окно спальни, обнаружила то самое дерево прямо перед своим носом. Оно чуть ли не касалось ветками перил лоджии. Отлично, не придется пользоваться веревкой, крюком и прочими сложностями. Достаточно будет раскладной лесенки.

Камеру я решила установить в спальне. Если Вениамин Михайлович не предпочитает для своих любовных утех другие места, то мне должно повезти.

Не повезти может в том случае, если он обнаружит камеру. Ладно, будем надеяться на лучшее.

Видеокамеру я установила между книгами на полке, которая располагалась как раз напротив окна и наискосок от кровати. Это было идеальное место. И обзор хороший, так как кровать огромных размеров, и для включения с расстояния удобное положение. Кроме того, на книжной полке было расставлено великое множество фарфоровых статуэток, которыми я, чуть сдвинув их по-своему, хорошо замаскировала объектив. Затем я подошла к окну и попыталась найти правильное положение пульта, чтобы при нажатии нужной кнопки камера заработала. Это мне удалось не сразу. Я еще несколько раз переставляла и камеру и статуэтки, пока наконец все получилось.

Теперь я могла спокойно сидеть в машине и ждать возвращения Тимофеевского. Сейчас, конечно, этого делать не стоит, но вот ближе к вечеру я буду на этом посту номер один.

Оглядев все вокруг, не оставила ли после себя каких-то следов, я покинула квартиру и, оказавшись во дворе, облегченно вдохнула воздух последних дней лета.

В восемь часов вечера я уже была на месте и поджидала Вениамина Тимофеевского, моля бога о том, чтобы он был сегодня не один. Но бог моим молитвам почему-то не внял.

Тимофеевского я узнала сразу. Словно колобок он выкатился из черной «Волги», на которой его подвез личный шофер. Выкатился и тут же вкатился в полутемный подъезд. Больше я его не видела. Увидела только вспыхнувший в его окнах свет, подумала, что, если он обнаружит мою камеру, то мне она больше не принадлежит, и поехала восвояси.

Что ж, придется наведаться сюда и завтра. И как же долго это будет продолжаться? Да, вот такая у меня работа.

На следующий день было то же самое: черная «Волга», колобок, подъезд, свет в окне, и все. Создавалось впечатление, что Вениамин Михайлович самый порядочный человек на свете. К восьми утра уезжает на работу, вкалывает там почти до девяти вечера, то есть тринадцать часов подряд, и уж какие ему там любовные похождения. Да надо еще принять во внимание, насколько у него трудная и нервная работа.

Но вот на четвертый день, когда я уже стала сомневаться в доверительных признаниях Елизаветы Андреевны, Тимофеевский решил-таки расслабить нервы и отдохнуть по полной программе. Случилось это в пятницу.

Я опять сидела в своей машине с восьми вечера и наблюдала за аркой, в которую по обыкновению ввозили номенклатурного чиновника. Обычно он появлялся в половине девятого, когда уже начинало смеркаться, и я, кстати, отметила про себя, что если бы получила подобное задание в июле, то ничего бы у меня не вышло: освещение в июле не то. Но сегодня Тимофеевский задержался дольше обычного.

Я в очередной раз взглянула на часы. Они показывали четверть десятого. «Уж полночь близится, а Германа все нет», – пропела я вслух, и в этот момент черная «Волга» медленно вкатилась во двор. Только вкатилась она не из той арки, из которой я ее поджидала, а из противоположного места, из соседнего проходного двора. И хотя было уже совсем темно, я сразу поняла, что за рулем не шофер-профессионал, почерк которого чувствовался издали, а лишь автолюбитель, сам господин Тимофеевский. Я мысленно потеряла ладони. Неужели сегодня наконец свершится то, чего с нетерпением ждали сразу три человека? (Я имею в виду Вениамина Михайловича, его юную зазнобу и себя.)

Между тем черная машина с госномером остановилась возле детской площадки, которая находилась напротив подъезда Вениамина Михайловича и почти рядом со мной. Мне пришлось немного осесть вниз, чтобы не быть замеченной. В этот момент обе передние двери «Волги» одновременно распахнулись, и я увидела, как героиня моей будущей киноленты ступила на землю. Поскольку одного из них я уже имела счастье лицезреть, то все свое внимание сосредоточила на другом, вернее, на другой. Это действительно была юная особа лет этак двадцати трех. Волосы у девицы были ярко-рыжие, достающие почти до поясницы, ноги произрастали от коренных зубов, и ростом она на голову превышала своего спутника. Одетая красotka была

в узкие светлые джинсы и легкий бледно-сиреневый джемпер. Единственное, что ее портило, это чрезмерная плоскость фигуры, но так, кажется, и полагается выглядеть фотомоделям.

Рыжеволосая, не проронив ни слова, направилась к подъезду. Я посмотрела ей вслед и отметила про себя еще один недостаток: несколько неуклюжую походку. Нет, в фотомодели с такой походкой ее бы не взяли. Но на фоне Вениамина Михайловича она, конечно, выглядела подлинной королевой. Он же, повесив на локоть большой полиэтиленовый пакет, содержимое которого при этом знакомо звякнуло, запер машину и торопливо засеменял за девицей. Догнал он ее уже у самого входа, галантно раскрыв перед ней дверь и, когда она шагнула вперед, изловчился-таки шлепнуть ее по слегка оттопыренной попке. Девица на это никак не прореагировала. Во всяком случае, я не услышала ни возгласа возмущения, ни одобрительного хихиканья, как это бывает в таких ситуациях, нет, скорее было похоже на то, что рыжеволосая просто выполняет свою работу. Причем, если она обычная проститутка, то выполняет она ее, на мой взгляд, неважно. По крайней мере, сейчас. Злая она какая-то.

И я, наверное, ошибалась, предполагая, что она ждала этого свидания с нетерпением. Так что, возможно, Елизавета Андреевна и права, сомневаясь в серьезности отношений своего мужа с этой особой.

Через некоторое время на кухне Тимофеевского вспыхнул свет. Если учитывать показания Елизаветы Андреевны, что примерно через час-полтора девица уже покидала квартиру любовника, то их застолье может длиться не более получаса, а то и меньше. Что ж, наверное, мне пора начинать действовать.

Я протянула руку к заднему сиденью, взяла лежавшую там раскладную лесенку и направилась к облюбованному мной дереву. Забраться на него не представляло никакого труда, тем более что я два дня назад уже отрепетировала этот цирковой номер. Труд заключался в том, чтобы не попасться в столь ответственный момент на глаза публике. По счастью, двор уже опустел, местные сплетницы, постоянно сидящие на лавочках, вернулись в свои жилища и были заняты просмотром девятьсот не знаю уж какой-то там серии «Санта-Барбары», детей, от которых на площадке до сих пор стояла столбом пыль, заботливые мамы загнавшие домой, так что опасаться мне нужно было сейчас лишь случайных прохожих.

Осмотревшись по сторонам и не заметив ничего, что могло бы помешать моей работе, я привязала к поясу лесенку и полезла на дерево. Вот мне уже видно, что делается в квартире первого этажа. Ну, так и есть: две пожилые дамы удобно расположились на диване возле голубого экрана. Из приоткрытой двери лоджии я слышу рассказ о том, что Иден опять потеряла память. А вот и лоджия Вениамина Михайловича. К сожалению, того, что творится на его кухне, я отсюда видеть не могла. Я только видела, что в спальне по-прежнему темно, и через открытую (слава богу) форточку слышала приглушенные голоса. О чем там беседуют возлюбленные, разобрать было невозможно.

Я добралась до удобного разветвления дерева, находящегося чуть выше перил лоджии, села на одну из толстых веток верхом, словно на лошадь, и отвязала от себя лесенку. Затем один ее конец прикрепила к стволу дерева и начала выдвигать ее. Ее длины как раз хватит, чтобы достать до края перил. На том конце лесенки есть два крюка, которые надежно зацепились за перила. Ну вот, мостик готов. Остается пройти по нему, правда, теперь уже рискуя сверзиться с почти пятиметровой высоты. Я встаю в полный рост, придерживаясь за тонкие ветви дерева, переступаю на лесенку, отпускаю ветки и присаживаюсь на четвереньки, собираюсь ползти, но в это время из дверей подъезда выходит какой-то мужчина с мусорным ведром. Это именно тот случай, о котором я подумала, когда сначала собиралась при помощи той же лесенки взобраться на лоджию прямо с земли. Хорошо бы я выглядела на фоне светлой стены, но сейчас меня и лестницу скрывает густая листва, так что опасаться нечего. Нужно только выждать, когда хозяйственный мужчина опорожнит ведро и снова скроется в подъезде.

Так, теперь можно. Стараясь не смотреть вниз, я ползу вперед, тело мое слегка дрожит, сопротивляясь риску, которому я его сейчас подвергаю. Последние сантиметры даются хуже всего, теперь я начинаю нервничать, опасаясь попасться на глаза самому господину Тимофеевскому, который в любую минуту может выйти на лоджию подышать свежим воздухом. Наконец ноги мои касаются пола. Я облегченно вздыхаю и, пытаюсь не производить ни малейшего шороха, достаю из кармана пульт управления видеокамерой. Теперь главная задача состоит в том, чтобы правильно расположить пульт. Мысленно я представляю, под каким углом держала его тогда, и подношу к стеклу. Хорошо, что не задернуты плотные шторы, через прозрачный тюль я смогу увидеть, как загорится на включенной камере маленькая красная лампочка. После пяти попыток лампочка наконец загорается, и в этот момент в комнате вспыхивает свет. У меня сначала создалось впечатление, что я вместе с камерой зажгла пультом и верхнее освещение. Я отпрыгиваю от окна, успевая заметить вошедшего в комнату Тимофеевского, и начинаю двигаться в обратном направлении, но уже с большей скоростью, молясь о том, чтобы он не выключил свет, иначе я буду хорошо просматриваться на фоне уличного освещения.

Добравшись до спасительного разветвления, я отцепляю лесенку от перил, складываю ее, бросаю вниз и затем спускаюсь сама. Уф! Хорошо бы сейчас глотнуть бодрящего! Как жаль, что я за рулем!

Сидя в салоне своей «девятки», я устало наблюдаю за окнами второго этажа. Шторы предусмотрительно задергиваются, а вот свет Вениамин Михайлович так и не потушил, видимо, предпочитает заниматься любовью, не только ощущая этот процесс, но и любуясь им. Ну, его-то еще можно понять, но вот бедной девице наверняка не очень-то приятно лицезреть своего сексуального партнера.

Примерно через сорок минут, совершенно неожиданно для меня, из подъезда вышла рыжеволосая девица, а за ней показался и Вениамин Михайлович. Причем свет так и остался гореть и в кухне, и в спальне. Должно быть, Вениамин Михайлович в скором времени рассчитывает вернуться домой. Успею ли я забрать свою камеру?

Тимофеевский открыл перед дамой дверцу «Волги», дама с необычайной легкостью занырнула на переднее сиденье, причем происходило это опять в полной тишине, и они выехали со двора.

Как только фары черной машины скрылись за поворотом, я опрометью бросилась в подъезд. Влетев на второй этаж, кинулась открывать двери. В отличие от первого раза, дверь Тимофеевского была заперта только на один замок. Тем лучше, меньше возни. Вот я и в квартире. Пахло здесь вином и развратом. Сначала я заглянула на кухню, так, из любопытства. Перед моим взором предстал стол с барскими объедками: недоеденные бутерброды с черной икрой, кусочек балыка, кожура от бананов, растерзанный ананас и две бутылки с недопитым содержимым, причем в одной из них – водка, в другой – шампанское. Я сглотнула слюну и направилась в спальню.

Как и следовало ожидать, кровать была разобрана, белье на ней вздыбилось, а шелковое покрывало валялось на полу.

Я щелкнула пультом, подошла к книжной полке, извлекла камеру из-за книг, положила в чехол, расставила по местам статуэтки и собралась поскорее убраться отсюда, но в этот момент услышала, как хлопнула дверь, ведущая в общий коридор. Сердце мое учащенно забилось, а мозг лихорадочно заработал. «Хоть бы это были соседи», – подумала я, прячась под кровать.

Но это были не соседи. Это вернулся домой господин Тимофеевский. И как же это он так быстро обернулся? Наверное, девица живет совсем рядом? Да, но тогда зачем же надо было использовать машину? Или начальство не привыкло ходить пешком даже на малые расстояния? Эти вопросы я задавала сама себе, лежа в пыли и заметно нервничая.

Тем временем Вениамин Михайлович, судя по звукам, прибирался на кухню. У меня был большой соблазн воспользоваться столь подходящей ситуацией и незаметно улизнуть, но я все-

таки решила не рисковать и дожидаться момента, когда он заснет крепким сном, если он у него, конечно, крепкий. Радовало меня теперь только одно – мне хорошо заплатили за эту грязную и унижительную работу.

Закончив уборку, Тимофеевский вошел в спальню, поднял с пола покрывало, при этом я увидела не только его пухлые ножки, но и пухлые ручки, затем улегся на кровать, образовав прямо надо мной выгнутый купол, который слегка коснулся моей спины, и включил телевизор. «Интересно, как долго он не захочет спать?» – подумала я, укладываясь поудобнее.

Приблизительно час Вениамин Михайлович прослушивал сводки последних новостей по всевозможным каналам, я их тоже слушала, потом выключил телевизор и включил магнитофон. Минут десять мне пришлось наслаждаться песнями Анны Герман, и, наконец, потушив свет, Тимофеевский отошел ко сну.

Долгое время я прислушивалась к его дыханию, пытаюсь определить, насколько глубоко его приняли объятия Морфея, и все это время боялась чихнуть, как это любят делать в дешевых комедиях, а потому периодически терла себе переносицу.

По моим подсчетам, было около двух часов ночи, когда я наконец рискнула покинуть свое убежище. Я бесшумно выбралась из-под кровати и, прижимая к груди чехол с камерой и свои кроссовки, которые предварительно сняла, чтобы не наследить, на цыпочках пошла к двери. И с огромным разочарованием обнаружила, что на дверь накинута цепочка! Это означало, что уйти отсюда я не смогу до тех пор, пока не уйдет запуганный ночными ворами хозяин квартиры. Если я сейчас сниму цепочку, то утром он непременно обратит на это внимание и неизвестно что предпримет, а зачем нам лишние эмоции? Елизавета Андреевна несколько раз упомянула о том, что наше с ней дело никоим образом не должно получить огласку, никуда не просочиться, – как выразилась моя клиентка. Тем более ничего не должно было просочиться в голову Вениамина Михайловича.

Что ж, придется переночевать здесь. Я потихоньку вернулась на свое место под кроватью и попыталась заснуть. Сон, естественно, не шел ко мне.

Уже под утро, когда Вениамин Михайлович проснулся от звонка электронного будильника и пошел в туалет, я, завидуя ему черной завистью, подумала о том, что Елизавета Андреевна не настолько щедра, как мне это показалось сначала.

Затем, судя по звукам и запахам, доносившимся с кухни, Вениамин Михайлович завтракал, а мне оставалось лишь глотать слюнки, ведь я не ела со вчерашнего вечера.

Когда же Тимофеевский покинул квартиру, я первым делом бросилась в туалет, даже не удосужившись посмотреть в окно и убедиться в том, что он уехал. Не до того мне сейчас было.

Почувствовав себя намного лучше, я уже обрела способность соображать и посмотрела во двор. «Волги» на месте не было, а значит, путь мне теперь открыт. Я кое-как отряхнула себя от пыли, умылась, пригладила растрепанные волосы мокрой рукой и с огромным облегчением убралась восвояси.

Очувтившись наконец у себя дома, я приняла душ, поужинала за вчерашний день, позавтракала за сегодняшний и, теперь уже в полном блаженстве, рухнула на диван, причем заснула еще до того, как моя голова успела коснуться подушки. Во всяком случае, этого момента я не помнила, когда пробудилась поздним вечером.

Я снова приняла изрядную порцию пищи и только после этого решила просмотреть свои видеозаписи, а заодно переписать их сразу на кассету, чтобы вручить ее Елизавете Андреевне.

Я не сомневалась в том, что записи должны получиться на высшем уровне, так как камера снимала при полном освещении, а потому собиралась лишь поставить все на переписку и совсем не намеревалась смотреть на то, что будет происходить на экране. Разве что начальные кадры.

Начальные кадры показали мне вошедшего в комнату господина Тимофеевского. Так, отлично. Сейчас появится девица, и пойду на кухню попить кофейку. Ага, вот она. Вот он

ее приобнял за талию и ведет к кровати. Ну, достаточно. Запись отличная. Я сделала звук погромче, чтобы проконтролировать запись до конца только по слуху, так как лицезреть то, что должно сейчас начаться, у меня не было ни малейшего желания, и вышла из комнаты. Когда я ставила на плиту чайник, до меня стали доноситься приглушенные стоны. Кофе мне почему-то сразу расхотелось, и я присела за стол, подперев подбородок ладошкой. «Все мужики – кобели, – грустно подумала я. – Наверное, нет ни одного мужчины на свете, который бы не изменял своей жене. Нет, никогда не выйду замуж».

Вскоре стоны прекратились. «Ну, что ж, можно идти выключать камеру», – решила я и вздрогнула. Вздрогнула от того, что услышала разговор. Разговор этот завязался между двумя мужчинами! Я четко различала два мужских голоса. Сначала мне показалось, что двое неизвестных каким-то образом проникли в мою квартиру, посмотрели порнофильм и теперь делятся друг с другом впечатлениями. Я прямо-таки замерла на месте. Разговор продолжался. Потом, слегка оправившись от первого шока, я чуть ли не крадучись дошла до двери комнаты и осторожно заглянула внутрь, там никого не оказалось, но то, что я увидела на экране, снова повергло меня в шок. На большой кровати, под которой я провела сегодняшнюю ночь, лежал абсолютно голый Вениамин Михайлович Тимофеевский – заместитель главы администрации Пушкинского района по торговле, а рядом с ним, тоже совершенно голый, доселе мною ни разу не замеченный, молодой, коротко стриженный блондин, курящий длинную черную сигарету.

Я открыла рот и села прямо на пол. Вот это номер! Ай да Тимофеевский! Ай да сукин сын! Я была настолько потрясена, что смысл их разговора, судя по тону, не совсем приятного, до меня пока еще не дошел.

Немного придя в себя, я встала и решительно поставила запись на перемотку. Руки мои при этом ощутимо подрагивали.

Когда лента перемоталась, я вернулась на кухню, достала из холодильника бутылку коньяка, которую берегла на случай прихода друзей, откупорила ее, хлебнула прямо из горлышка пару внушительных глотков и только тогда, почувствовав некоторое расслабление, решила посмотреть свой видеосюжет.

Вот Вениамин Михайлович опять заходит в комнату, вот следом появляется рыжеволосая девица, он обнимает ее за талию и ведет к постели. Девица садится на постель, откинув шелковое покрывало прямо на пол, и закуривает длинную черную сигарету. Тимофеевский начинает раздеваться, аккуратно складывая одежду на прикроватную тумбочку. Оставшись в одних трусах, он удаляется из комнаты, вскоре возвращается, неся перед собой хрустальную пепельницу, и подает ее девице. Молча она тушит в ней окуроч, причем довольно грубым движением, а потом, таким же грубым движением, снимает с себя рыжий парик и швыряет его со злостью в угол комнаты.

– Только прошу тебя, не надо портить такой вечер, – томно вздыхает Тимофеевский и задергивает шторы.

Коротко стриженный блондин с неподдельной неприязнью смотрит ему в спину.

Тот возвращается к нему и... И дальше я наблюдаю то, о чем только слышала, но никогда не видела. Это было ужасно! Ужасно и омерзительно! Комок тошноты несколько раз подкатывал мне к горлу, но я продолжала смотреть во все глаза, потому что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Нет, правда. Не судите меня строго. Вы бы и сами, окажись на моем месте, обязательно посмотрели бы это до конца, тем более что и продолжалось это недолго. Да к тому же и разговор их меня интересовал не меньше, чем само действие.

Ну вот все и закончилось. Блондин опять хватается за сигарету и раздраженно говорит вполне удовлетворенному Вениамину Михайловичу:

– Ты в курсе, что осталось еще два раза?

– Да, помню, – вздыхает Тимофеевский, и выражение его лица делается грустным. – Но неужели ты продолжаешь считать наши встречи?

– Представь себе! – почти переходит на крик блондин, вскакивает с кровати и начинает одеваться. – Мне уже осточертел весь этот маскарад! Он, видите ли, боится, что соседи его в чем-то заподозрят! А я, по-твоему, не боюсь попасться в таком виде на глаза своим знакомым? В этом идиотском парике и бабьем свитере!

– Шурочка, ну не надо, не злись ради бога, – пытается его успокоить Вениамин Михайлович и тоже начинает одеваться.

– Не злись! – передразнивает его Шурочка. – Даже водку я должен пить в парике, так как у тебя на кухне нет нормальных занавесок. Тоже мне, администратор сраный! Да плевать я хотел на твою конспирацию. Все, хватит! Надоело!

Шурочка со злобой напяливает на себя рыжий парик, с остервенением тушит сигарету и направляется к выходу.

– Шурочка, подожди, я сейчас, – извиняющимся тоном лепечет Вениамин Михайлович, застегивая ширинку. – Просто ты сегодня не в настроении. Может, все-таки что-то случилось? Так ты расскажи, не стесняйся. Знаешь же, что я для тебя все сделаю. Что-то на работе не так?

– Да. Не так! – кричит из коридора Шурочка.

Тимофеевский выскакивает за ним, и теперь на пленке лишь пустая комната и голоса:

– Только не кричи, нас могут услышать. Давай поговорим серьезно, – предлагает Тимофеевский.

– По дороге поговорим, – различаю я голос Шурочки.

– Только не во дворе и не в подъезде, умоляю тебя, – просит Тимофеевский. – Поговорим в машине.

– Если тебе не нравится мой голос, могу вообще молчать, – огрызается тот.

Слышен стук входной двери.

Я продолжала смотреть на экран, на котором изображена опустевшая комната, и пыталась вникнуть в суть их разговора. Но на ум после увиденного как-то ничего не приходило. Правда, я подумала о том, как все-таки сильна любовь. Сильна до такой степени, что столь важный чин, как Тимофеевский, виляет хвостом перед каким-то там Шурочкой. В этот момент раздался телефонный звонок.

– Слушаю вас.

– Танечка? Это вы?

– А-а, добрый вечер, – узнала я голос Елизаветы Андреевны.

– Ну как? У вас есть что-нибудь для меня? Я звонила сегодня днем, но вас, видимо, не было дома.

– Пожалуй, что есть, – неохотно ответила я, подумав о том, как же крепко я спала, что даже не слышала звонка.

– А я могу сейчас прийти? – вкрадчивым голосом спросила Тимофеевская.

– Может, лучше завтра утром? Время-то позднее, – предложила я, понимая, конечно, что желание клиента – закон.

– И все-таки...

– Хорошо. Я вас жду, Елизавета Андреевна, – неохотно согласилась я, чувствуя, что от меня что-то ускользает, но вот что именно?

Не успела я перемотать пленку, как снова раздался звонок. Только на этот раз в дверь. Я предусмотрительно убрала кассету в ящик стола и пошла открывать. К моему удивлению, это уже пришла Елизавета Андреевна. «Наверное, звонила из автомата напротив моего дома», – только и успела подумать я.

– Здравствуйте, Танечка. Вы уж простите, что так поздно, – начала извиняться она, – но вы сказали, что... А я так переживаю, волнуюсь. Ночами не сплю.

– Ничего страшного, – махнула я рукой, отмечая про себя, что на этот раз Елизавета Андреевна выглядит не так хорошо, как в наше первое свидание.

Платице совсем простенькое, босоножки запыленные, а прическа – обыкновенный хвост, стянутый на затылке какой-то детской резиночкой.

Она уже без приглашения вошла в комнату, села на то же место, что в прошлый раз, и выжидательно посмотрела на меня. Глаза ее сейчас выражали явный испуг и нетерпение.

– Может, выпьем по рюмочке коньячку? – предложила я, не зная, как начать разговор. Я не представляла себе, как смогу рассказать ей о том, что видела, не говоря уж о том, чтобы показать! Я, прошедшая сквозь огонь и воду, и то была шокирована, а что говорить про старую деву? Пусть даже и бывшую. А вдруг ее сейчас шарахнет инфаркт. Она и так сидит вон какая напуганная.

– Ой, ну что вы, как-то неудобно, – прижала руку к груди Елизавета Андреевна.

– Да бросьте вы, все нормально, пойдемте.

Чутьочку смущаясь, Елизавета Андреевна вошла вслед за мной на кухню и села на предложенную ей табуретку.

Я снова достала из холодильника коньяк, разлила его по двум маленьким рюмочкам, одну из которых вложила в дрожащие руки своей клиентки, а вторую поставила возле себя:

– Ну, давайте.

– А вы? – удивленно спросила Елизавета Андреевна.

Я не особо хотела сейчас туманить себе мозги, но рюмку подняла, дабы подбодрить бедную женщину. Она мелкими глотками допила до дна, поморщилась и снова вопросительно посмотрела на меня.

Я поставила свою так и не тронутую рюмку на стол и, собравшись с духом, приступила к тяжелым объяснениям:

– Понимаете ли, Елизавета Андреевна, дело тут не совсем обычное. В общем...

– У вас ничего не получилось? – перебила она меня, как бы заранее разочаровываясь.

– Да нет, работу я выполнила, но лучше и впрямь, наверное, если бы ничего не получилось.

– Я вас не совсем понимаю.

– Короче, – окончательно решила я, – вы хотели посмотреть на свою соперницу, предпринять какие-то шаги к примирению с мужем, постараться исправить ситуацию. Но! Но боюсь, что вам это будет не под силу.

– Понимаю, – грустно покачала головой Елизавета Андреевна, – я гожусь ей в матери.

– Нет, не в том дело. Дело в том, что это не соперница. Это – соперник!

– Простите, что?

– Мужчина это, вот что. Правда, в матери вы и ему сгодились бы, – горько усмехнулась я, ожидая инфаркта Елизаветы Андреевны.

Но никакого инфаркта не последовало. Я не заметила на ее лице даже удивления.

– Мужчина? – пожала она плечами и слегка улыбнулась.

Я подумала, что она не совсем меня поняла, и решила объяснить ей доходчивее:

– Да, молодой мужчина. Это означает, что ваш муж гомосексуалист.

– Правда? – как-то радостно выдохнула Елизавета Андреевна, но, видя мое недоумение, поспешила растолковать причину своей радости: – Вы удивлены, что меня это не шокирует, а даже наоборот? А я вам вот что на это отвечу: то, что вы мне сказали, – это ерунда.

– Да, но на пленке это выглядит весьма конкретно, и поспорить с этим фактом вам не удастся, – сказала я, полагая, что инфаркт еще впереди.

– Я не об этом, – отрицательно покачала головой Елизавета Андреевна. – Я счастлива, что не имею соперницы, с которой, в силу моего возраста, мне было бы затруднительно бороться. А гомосексуализм – это скорее всего блажь! Несерьезно все это, Танечка. Никогда я не замечала за Вениамином Михайловичем таких наклонностей. Кто-то втянул его в эту грязную затею, а он поддался. Надеюсь, что это скоро пройдет.

– Нда-а, возможно, – протянула я и допила свой коньяк.

Что взять с недалекой женщины, которая называет гомосексуализм затеей?

– Ну, спасибо вам огромное, Танечка. Вот вам остаток гонорара, – сказала Елизавета Андреевна, поднимаясь с табуретки и протягивая мне еще пять сотен баксов. – Кассету вы мне отдадите?

– Разумеется. Вы за нее заплатили, – ответила я и пошла в комнату за кассетой.

Елизавета Андреевна стояла уже у выхода, когда я ей протянула ей видеозапись:

– Не смотрите ее на ночь, это мой вам добрый совет.

– Обещаю, – усмехнулась она, и в ее глазах я уловила нескрываемое удовлетворение. –
Еще раз спасибо и до свидания.

Глава 3

Сомнения

Я заперла за ней дверь, вернулась на кухню, плеснула себе еще коньяка и залпом выпила.

Все, что сейчас произошло, окончательно выбило меня из колеи. Что-то я сделала не так. Теперь я была в этом просто уверена и принялась размышлять, поскольку до этого у меня практически не было времени задуматься. Сначала мне предложили большие деньги, заставившие меня просто механически выполнять заказ, без творческого, так сказать, подхода, потом – бессонная ночь под кроватью Тимофеевского, затем – сногшибательные видеозаписи, и не успела я как следует во всем разобраться – приход клиентки, ее странное поведение, снова куча долларов и... И в итоге я все-таки осталась в дураках! Как я могла взяться за дело, не выяснив с самого начала, кто такая эта Елизавета Андреевна?! А может, и не жена она вовсе Вениамину Михайловичу, а просто грязная шантажистка?!

Тут легкий плен алкоголя отпустил меня, и я начала ясно и четко соображать.

Конечно, не жена! И какая жена могла бы обрадоваться, узнав, что ее муж гомик? Почему она предложила мне такую большую сумму? Да наверняка потому, что, располагая такой кассетой, сможет получить гораздо больше! Она и времени-то мне на всякие там умозаключения не оставила, заявила сразу же после звонка. Скорее всего она за мной следила. Звонила днем, я не брала трубку, спала. Потом она караулила поблизости от моих окон и ждала, когда загорится свет. Это наверняка. Потом позвонила из соседнего автомата и, не дав мне опомниться, забрала кассету. Все ясно и просто! Так, минуточку, но ведь Тимофеевская сказала, что ее направила ко мне Лунина.

Не обращая внимания на то, что было уже начало двенадцатого ночи, я кинулась к телефону. Номер Кати и Олега Луниных я помнила до сих пор наизусть, такое не забывается.

– Алло, – услышала я сонный женский голос после продолжительных гудков.

– Добрый вечер, – поздоровалась я. – Извините, что так поздно. Катя, это ты?

– Да, это я, – последовал ответ.

– Ой, Катя! – обрадовалась я. – Это Татьяна Иванова, помнишь еще?

– Таня? Конечно, помню, – уже более оживленно отозвалась Лунина.

– Катюша, у меня к тебе будет один вопрос.

– Да, конечно.

– Ты рекомендовала меня Елизавете Андреевне Тимофеевской?

– Кому? – услышала я удивленный голос на том конце провода, но все-таки решила повторить:

– Тимофеевская Елизавета Андреевна. Ваша дальняя родственница.

– Нет, Танюш, ты что-то путаешь. У нас нет ни родственников, ни знакомых с такой фамилией.

– Ну что ж, извини еще раз, что так поздно. Спокойной ночи.

– Да ничего. А что...

У меня не было настроения что-либо ей объяснять, и я повесила трубку. В ее ответе, честно признаться, я и не сомневалась. Итак, я стала соучастницей шантажа. Вот что значит долго не заниматься своей работой. Расслабилась! Ладно, продолжаем рассуждения. Значит, Тимофеевская, нет, скорее всего лже-Тимофеевская, для того, чтобы усыпить мою бдительность, прикрылась именем моих знакомых, о которых наверняка либо читала в газетах, дело-то было нашумевшее, либо от кого-то слышала. Она каким-то образом узнала о гомосексуальных связях Вениамина Михайловича и решила на этом подзаработать. Так, стоп! А ключ у нее

откуда? И, кстати, о ключе, ведь я забыла его отдать ей. И она не спросила. Отлично! Еще одна незадача.

Я кинулась в комнату, где лежали мои джинсы, и вытряхнула прямо на пол связку ключей от квартиры Тимофеевского. Жалобно звякнув, они упали мне под ноги. Я подняла их и положила на видном месте. «А может, я сама себя накручиваю? – подумала я. – Может, она завтра вспомнит о ключах и придет за ними?» Надежда была слабой, но она умирает последней, и я немного успокоилась.

– Хватит! – вслух сказала я сама себе. – Утро вечера мудренее, а сейчас пора бы и отдохнуть.

Но поскольку я продряхла весь день, сон ко мне не шел. Только к четырем утра, когда я вспомнила, что у меня есть знакомый шофер, который работает в районной администрации, я наконец угомонилась. «Что день грядущий мне готовит?»

Поднявшись пораньше, чтобы не проворонить этого шофера, я отправилась к зданию администрации, а вернее, к ее гаражу на заднем дворе.

– Подождите минуточку! – замахала я рукой первому водителю, выезжающему из раздвигающихся ворот на белой «Волге».

Он притормозил возле меня и вопросительно посмотрел.

– Простите, вы не подскажете, где можно увидеть Славу Иванова?

– Да вон он, – шофер махнул рукой куда-то назад и рванул с места, обдав меня облачком пыли.

Я осталась поджидать Славу, который действительно выезжал следом за первой машиной.

– Привет! – преградила я ему путь, как только он выкатился из ворот.

– А, здорово, однофамилица! – поприветствовал меня Слава. – Какими судьбами?

– Славочка, я по делу, – улыбнулась я, подсаживаясь к нему на переднее сиденье.

– Да неужели? – засмеялся он. – А я-то думал чайку попить забежала с утра пораньше.

– Слушай, Слав, ты случайно не в курсе, где живет Тимофеевский? – сразу перешла я к делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.